

Кондратьев
Вячеслав

1985

Моск. театральное, ТЕАТР 1985, 2 акт.

«Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ...»

УСОВО, Овсянниково, Паново, Черново... Кажется, уже давно мы знаем эти названия ржевских деревень, пришедших к нам из прозы Вячеслава Кондратьева, а точнее — из его военной жизни. У этих деревень принимал он первые свои бои, о них помнил все последующие годы и наконец-то написал. О пережитом написал — и стала его война нашим общим достоянием. Как будто не так и давно появилась его первая повесть, «Сашка», а сегодня уже и нельзя представить себе нашей военной прозы без Кондратьева, без его «ржевских повестей». Может показаться, что так и остался он на том поле между Усовом, Овсянниковом и Пановом, на котором полегло столько наших солдат, и вглядывается пристально — не забыто ли еще что-то важное, еще кто-то, достойный памяти. Может, и остался — но остался не только в 1942, но и в нашем 1985 году, и двойной взгляд — из прошлых, военных, и нынешних дней дает его повестям и пьесам эту особую, пронзительную силу, когда, прочитав о войне тысячи страниц, читаешь кондратьевские повести так, как будто впервые написано о войне.

Думаю, именно этот двойной взгляд привлек к прозе и пьесам Кондратьева молодых или сравнительно молодых режиссеров — из невовавших поколений. Не одни они ставили его, но они — первыми. В Москве первым был Г. Черняховский — он и сейчас в Театре Ленинского комсомола ставит Кондратьева, инсценировку «Встреч на Сретенке». Да и В. Шиловский, режиссер мхатовской постановки пьесы «Бои имели местное значение...», — опять же из поколения, не видевшего войны, разве что в самом раннем детстве. А может быть, тут еще и желание хоть как-то почувствовать себя причастным к самым страшным и самым героическим временам жизни страны, заглянуть в те годы именно через литературу, напоенную правдой, — другого пути в них ведь нет...

В КРОВОПРОЛИТНОМ бою рота берет деревню, потом немцы неожиданно атакуют и отбивают ее, и рота опять собирается идти в атаку на эту же деревню — вот и весь сюжет пьесы, очень простой и трагичный. Возьмут или нет — неизвестно; может, и не удастся, в первой атаке погибло почти полроты, значит, оставшимся в живых придется воевать и за тех, кто лежит на снежном поле. Ржев, начало весны 1942 года. Ржев, уже увековеченный в нашей памяти стихами Твардовского... там воевал и Кондратьев, совсем молодым. И одна из главных тем всей его прозы — молодой человек на войне. В этой пьесе — старший сержант Коншин, сначала помкомвзвода, потом командир взвода, потом он принимает командование ротой и ведет ее в атаку, второй раз брать деревню.

Коншин — интеллигентный московский мальчик, честный, совестливый, старательный, преисполненный решимости достойно исполнить свой долг. Но солдатом ему только предстоит еще стать — здесь, на этом поле, под первым в жизни минометным обстрелом, в первой в жизни атаке, после первого в жизни поражения его роты. Он готов, он жаждет стрелять в немцев, готов и к тому, что в него будут стрелять, но не готов стрелять в своих — а бывает на войне и такое. Ему еще только предстоит обрести мужество, которого хватило бы не только на мгновенный порыв — подняться самому и поднять взвод в атаку, но и на долгую войну; предстоит обрести мужество, рождающееся из злости, из поражений, из скорби по мертвым товарищам и желания отомстить за них. (К сожалению, А. Галушевский, играющий эту роль, внутренне статичен и сложную эволюцию своего героя передает преимущественно повышением голоса).

НРАВСТВЕННАЯ эволюция под огнем врага... Вот уж, казалось бы, неподходящее время и место для нравственных проблем, но именно здесь она и происходит, именно этот момент отмечает Кондратьев на войне, именно его делает центральным в своей пьесе. С одной стороны, вроде бы все просто — человек на войне должен, обязан превратиться в солдата. Но с другой — остается он человеком, которому по человеческой его природе претит убивать. Как совместить? Писатель и показы-

вает, как совмещали, как умудрялись остаться на войне людьми, армией гуманистов, которая потому и победила, что ее солдаты сражались за жизнь на земле. Давно сказано, что из наблюдений над каплей воды логически мыслящий ум может сделать заключение о существовании океана, — вот Кондратьев и наблюдает за своей «каплей воды» (на сцене бойцы одного взвода), а выводы его, не только логические, но и художественные, дают нам возможность понять духовное состояние армии и народа в войне.

Взвод — это люди, личности, порой совсем непохожие друг на друга. Учитель Савкин (Н. Пеньков) — он уже второй раз на фронте, уже знает, в чем главный страх и главная опасность боя; пожилой крестьянин Талькин (можно было бы сказать, что В. Кашпур играет лучшую в спектакле роль, если бы не многочисленные солдаты, сыгранные им раньше); «приблатненный», как он сам о себе говорит, москвич Костик Карцев (Б. Щербаков); вездливый скептик Филимонов (Г. Кочкожаров), другие солдаты. Кондратьев исследует процесс, в ходе которого эти люди становятся именно взводом, боевой силой. (Правда, здесь В. Шиловский сам увлекается своего рода жанризмом и увлекает актеров. Есть частности, но недостаточно показано общее, в результате процесс, подробно прослеженный автором, присутствует в спектакле в ослабленном варианте по сравнению с пьесой).

Мне представляется, что В. Шиловский замыслил что-то вроде сценической фрески, предполагающей известную статичность каждого персонажа при общей динамике целого. Такое решение могло бы быть даже интересным — если бы пьеса не так сильно противилась ему. В ней-то ход совершенно другой, в ней, если хотите, путь к фреске, к монументальному полотну — путь, который ее персонажи только начинают с первого своего боя проходить на глазах зрителя. Скажем, помкомбата (Н. Пузырев), этакий молодец, заставший в несокрушимом внутреннем спокойствии, — имеет ли он право быть таким, когда слышит в телефоне, что атака роты не будет поддержана артиллерией (распутица, не подвезли снаряды), из-за чего возможность успеха, и без того не очень значительная, еще уменьшается? У Кондратьева он чувствует себя не очень уверенно — приходится от имени комбата командовать офицерами старше его и по возрасту и по званию; в спектакле актер пытается сыграть эту неуверенность через упомянутое выше спокойствие, но оно, скорее, похоже на равнодушие.

Вспыхивают «мигалки», шарят по сцене лучи прожекторов, ползет дым, гремит запись пулеметных очередей и взрывов мин — всеми сценическими средствами демонстрируется иллюстративно-фресковое решение. Но самая совершенная запись не заменит настоящего звука взрыва, самая современная «мигалка» не создаст атмосферы настоящего боя. Думается, нужно было не накапливать, не громоздить друг на друга иллюстративные средства, но искать образное решение, если уж сцены боя необходимы в ней (а они в данном случае необходимы). Не дело критика советовать режиссеру, но мне представляется, что точно подобранная музыка могла бы с успехом заменить все звуковые эффекты, что точно найденная фактура оформления (художник И. Сумбаташвили) была бы уместнее, чем нынешнее натуралистическое решение спектакля. К счастью для театра, образный строй пьесы, ее правда, ее сила в конечном счете побеждают, но эта победа могла быть более впечатляющей.

У МХАТа есть все основания быть благодарным Вячеславу Кондратьеву — с его пьесой можно было идти в бой за спектакль, надеясь на победу. Что ж, на протяжении всей истории МХАТа умение выбрать пьесу почти всегда было его сильной стороной.

Нынешний сезон — сезон 40-летия Победы. Уже начали выходить в Москве спектакли, посвященные этой дате, скоро будет их еще больше. Но сколько бы их ни было, пьеса Вячеслава Кондратьева, солдата, воевавшего подо Ржевом, не затеряется среди них.

Ю. СМЕЛКОВ.